

Е. В. Барсовъ.

ПАМЯТИ

В. Е. РУМЯНЦЕВА.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1898.

Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей
Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1898 г.

Не сложна и не красна была жизнь Васи́лія Егоровича Румянцова. По окончаніи академическаго курса онъ очень недолго занимался педагогическимъ дѣломъ и скоро перешелъ на службу въ Москву, въ старый Сенатъ, гдѣ затѣмъ въ качествѣ чиновника Сенатской типографіи познакомился съ типографскимъ дѣломъ и отсюда перешелъ на службу въ Московскую Синодальную типографію. Вся его жизнь, можно сказать, принадлежала этому послѣднему учрежденію. Ему онъ отдалъ всѣ свои силы, всю свою энергію, и заслуги его никогда не изглядятся въ исторіи Московской Синодальной типографіи.

Василій Егоровичъ былъ человѣкъ вдумчивый, разсудительный, молчаливый и сосредоточенный. Нравственный образъ его отличался честностію и благородствомъ. Онъ неспособенъ былъ сдѣлаться человѣкомъ искательнымъ, подслужникомъ и льстецомъ. Эти нравственные черты заграждали ему движенія по службѣ и даже были причиною многихъ непріятностей и угнетеній, кои приходилось переживать ему тай дунни своей. Энергія воли дѣлала его способнымъ къ продолжительному напряженію труда, который обогатилъ его широкими знаніями въ области русскихъ и въ особенности церковныхъ древностей; а прямота характера и искренность сердца дѣлали его способнымъ къ дружбѣ — глубокой, прочной и надежной.

Мы сказали, что вся его служебная жизнь принадлежала Московской Синодальной типографіи и все, что имъ сдѣлано для нея, съ теченіемъ времени будетъ достойно оценено историческою наукою.

Василій Егоровичъ служилъ при четырехъ управлявшихъ типографіей Гиляровѣ, Потемкинѣ, Ражевичѣ и Шишковѣ и въ одной изъ той же должности инспектора типографіи.

Извѣстно, что такое былъ Книгопечатный Дворъ въ старыя времена. Печатаніе церковныхъ книгъ считалось дѣломъ не только церковнымъ, но и государственнымъ чрезвычайной важности; на Печатномъ Дворѣ лежала обязанность не только тисненія, но и самой справы

церковныхъ книгъ. Вотъ почему начальниками этого Двора были и думные дяки, и митрополиты, и вообще мужи, пользовавшіеся ученою извѣстностію и высокими нравственными качествами. Но съ учрежденіемъ Синода и Хозяйственнаго при немъ Управленія существенно измѣнилась и точка зрѣнія на Московскій Синодальный Дворъ. Онъ сталъ трактоваться, какъ обыкновенная фабрика или ремесленное учреждение, связанное съ доходными статьями. Для Петроградскаго Синодальнаго Управленія—самое главное стало то, чтобы на Московскомъ Печатномъ Дворѣ сидѣлъ смѣтливый хозяинъ, умѣющій доставить наибольшую денежную прибыль отъ печатанія церковныхъ книгъ.

Вотъ почему на пространствѣ почти двухъ вѣковъ на Московскомъ Печатномъ Дворѣ, за исключеніемъ Н. П. Гилярова, въ ряду служившихъ здѣсь лицъ нельзя указать ни одного человѣка, который бы носилъ въ себѣ историческую идею учрежденія и сдѣлалъ бы для поддержанія ея все, что было въ его силахъ. Только съ именемъ В. Е. Румянцева связано возрожденіе этого Печатнаго Двора въ духѣ историческаго преданія.

Въ то время, когда на Никольской улицѣ земля и старыя зданія отданы были Синодомъ подъ постройку «Славянскаго Базара», предположено было срыть и «Палату справы», находящуюся на дворѣ типографіи и выстроить взамѣнъ многоэтажное зданіе для увеличенія Синодальныхъ доходовъ.

Вас. Егор. Румянцевъ возсталъ всѣми силами души противъ такого варварскаго проекта и при содѣйствіи графа А. С. Уварова отстоялъ существованіе древней Справной Палаты. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ на себя всѣ труды и заботы по ея возстановленію. Нѣсколько лѣтъ посвятилъ себя этой задачѣ, заботился денно и пощно, и наконецъ привелъ ее въ тотъ художественный видъ, какой она имѣла въ XVII вѣкѣ. Это, можно сказать, было его дѣтище, которое онъ выходилъ и выходилъ. Всякая мелочь была предметомъ его обдуманности и отвѣчаетъ цѣльности и художественности впечатлѣнія. Благодаря такимъ образомъ Василю Егоровичу для исторіи сохранился зодческій памятникъ, напоминающій собою терема царя Алексѣя Михайловича.

При основаніи Московскаго Публичнаго Музея покойный Алексѣй Егор. Викторовъ, зная, что въ складахъ Московской Синодальной типографіи безъ призора валяются старопечатныя книги, возбудилъ вопросъ о томъ: не найдено ли будетъ возможнымъ передать эти книги во вновь возникающее учрежденіе. Духовное Начальство само по себѣ было не прочь отъ передачи этого стараго хлама въ Московскій

Музей. Но Вас. Егор. Румянцевъ вмѣстѣ съ Н. П. Гиляровымъ воспротивились этой передачѣ съ рѣшительною энергіей. Въ докладной запискѣ, составленной по этому дѣлу, Вас. Егоровичъ доказывалъ, что типографія не только не можетъ передать въ чужія руки книгъ, напечатанныхъ ею, какъ своихъ историческихъ памятниковъ и образцовъ, но что напротивъ чувствуется потребность приобрѣсть и всѣ тѣ ея изданія, какихъ недостаетъ въ настоящую минуту. Въ ходатайствѣ Музею было отказано,—что очень огорчило покойнаго Алексѣя Егоровича Викторова и вслѣдствіе того взаимныя отношенія ихъ навсегда остались холодными. И Алексѣй Егоровичъ Викторовъ и Василій Егоровичъ Румянцевъ—оба ревновали не о себѣ, по каждый о своемъ учрежденіи, и это обстоятельство обостряло ихъ взаимныя отношенія.

Старопечатныя церковныя книги, дѣйствительно, бывшія до сего времени безъ призора и валявшіяся въ складахъ типографіи, теперь были собраны, приведены въ порядокъ и описаны.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что при приведеніи ихъ въ порядокъ, по словамъ Василя Егоровича, огромную услугу оказали антикваръ Тихонъ Ѳеодоровичъ Вольшаковъ: книги безъ выходовъ онъ умѣлъ опредѣлять точно по переносамъ словъ, по запятымъ и точкамъ и по начертаніямъ нѣкоторыхъ буквъ. Благодаря ему, и самое описаніе книгъ могло быть совершенно скоро и съ хронологическою точностью.

Но не старопечатная только сибліотека Московскаго Синодальнаго Двора обязана была покойному Василю Егоровичу своимъ благоустройствомъ.

Архивъ типографскій, помѣщавшійся на чердакѣ, теперь также былъ разобранъ и получилъ приличное помѣщеніе.

На основаніи этого архива онъ создалъ капитальный трудъ: «Исторію Московскаго Печатнаго Двора» и издалъ его со множествомъ историческихъ и художественныхъ рисунковъ.

Понятно, что человекъ, такъ глубоко носившій въ душѣ своей преданіе Московскаго Печатнаго Двора, не могъ забыть и первопечатника Ивана Ѳеодорова. По его мысли и вчинанію, въ день трехсотлѣтія, почтена была память этого основателя русской печати особымъ чрезвычайнымъ собраніемъ, на коемъ произнесены были соотвѣтствующія рѣчи; самъ Василій Егоровичъ Румянцевъ освѣтилъ первопечатное дѣло новыми данными первостепенной важности. По его же мысли и вчинанію былъ задуманъ памятникъ Ивану Ѳеодорову и была открыта всероссійская подписка на его сооруженіе.

Въ настоящее время изданія Московской Синодальной типографіи отличаются особенною художественностію, украшаются росписными буквами, заставками на золотомъ полѣ, цвѣтами и узорами въ древне-русскомъ стилѣ. Этотъ художественный элементъ введенъ въ практику Синодальныхъ изданій подъ воздѣйствіемъ покойнаго Василя Егоровича. Его «Исторія Московскаго Типографскаго Двора» открыла богатство и разнообразіе этихъ историческихъ украшеній и онъ первый началъ примѣнять ихъ къ новымъ изданіямъ.

Благодаря личности Василя Егоровича и его заботамъ Московскій Синодальный Дворъ сталъ своего рода Музеемъ, привлекавшимъ къ себѣ ученыхъ силы, какъ столичныя, такъ и провинціальныя.

М. П. Погодинъ нерѣдко заѣзжалъ сюда за разрѣшеніемъ разныхъ недоумѣній, особенно же по поводу своихъ лекцій о Москвѣ. А. А. Котляревскій каждый разъ по пріѣздѣ въ Москву считалъ своимъ долгомъ посѣтить кромѣ о. Амфилохія и В. Е. Румянцева. Ундольскій и Невоструевъ были въ самыхъ ближайшихъ и дружескихъ къ нему отношеніяхъ.

Древняя церковная архитектура въ особенности составляла любимѣйшій интересъ покойнаго В. Егор—ча и знанія его въ этой области признавались безусловно авторитетными; къ нему обращались за совѣтами такіе зодчіе, какъ Н. В. Султановъ, нашъ достопочтеннѣйшій сочленъ Ник. Вас. Никитинъ и нѣкоторые академики архитектуры.

Ему поднесена была икона отъ Владимирскаго духовенства за самое живое и дѣятельное участіе при возобновленіи собора Андрея Боголюбскаго.

Реставраціи Ростовскихъ храмовъ и Кремля также совершались подъ его ближайшимъ руководствомъ и при его непосредственномъ участіи.

Не касаясь уже извѣстныхъ его ученыхъ трудовъ, мы упомянемъ лишь о послѣдней его работѣ. Св. Синодомъ ему поручено было заняться исправленіемъ «Святцевъ». Нѣсколько послѣднихъ лѣтъ онъ весьма усердно изучалъ агіологию и весьма былъ доволенъ тѣмъ, что ему удалось открыть множество недосмотровъ въ существующихъ святцахъ и сдѣлать соотвѣтствующія исправленія. Докончена ли была эта работа и представлена ли была въ Св. Синодъ—намъ неизвѣстно. Но множество черновыхъ тетрадей намъ удавалось видѣть.

Жизнь и дѣятельность В. Е. Румянцева главнымъ образомъ была связана съ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ—въ эпоху его разцвѣта. Едва-ли къ кому нибудь изъ археологической дружины графъ Уваровъ былъ такъ близокъ, какъ къ В. Е. Румянцеву; съ

другой стороны едва-ли на какое-нибудь другое дѣло Вас. Егоровичъ посвящалъ столько времени и силы, какъ дѣламъ Московскаго Археологическаго Общества. Когда некому было читать въ засѣданіяхъ, обыкновенно читали или самъ предсѣдатель, или секретарь В. Е. Румянцевъ. Не мало потрудился онъ для этихъ докладовъ, кои были большею частію внезапны и неподготовлены. Не блестящи они были по внѣшней формѣ, всегда устные, но за то они непремѣнно или открывали новый историческій фактъ, или вносили новую мысль: то мы узнавали, что протопопъ Аввакумъ съ братіей никогда не были справщиками церковныхъ книгъ и стали во главѣ раскола вовсе не потому, что будто бы Никонъ отставилъ ихъ отъ книжнаго исправленія, какъ это прежде выдавалось за несомнѣнный фактъ въ исторической наукѣ; то онъ знакомилъ съ технологіей печатнаго дѣла въ XVI вѣкѣ; то разъяснялъ неразгаданный символъ иконографіи и т. п. Въ особенности почтенна его дѣятельность, какъ редактора Трудовъ Археологическаго Общества: онъ избѣгалъ печатать болтовню и вообще работы сомнительнаго достоинства; строгій выборъ матеріала придавалъ особенную цѣнность изданнымъ имъ «Трудамъ Общества». И если мы вспомнимъ, что имъ издано десять томовъ, то становится яснымъ—какая масса нравственной энергіи была отдана имъ историко-археологической наукѣ. При этомъ нужно замѣтить, что матеріалъ, которымъ онъ располагалъ, требовалъ еще грамматическихъ и стилистическихъ исправленій. Стилъ самого графа Уварова весьма часто отзвучался галлицизмами и требовалъ стилистической очистки. Нужно замѣтить, что графъ ни мало не оскорблялся такими поправками; напротивъ былъ весьма благодаренъ, подобно Карамзину, слогу котораго иногда исправлялъ Малиновскій.

Графъ высоко цѣнилъ дѣятельность Румянцева и ревностно оберегалъ его на его служебной карьерѣ.

Съ другой стороны все нравственное существо Вас. Егоровича было связано съ личностію графа.

Въ одинъ печальный день онъ пришелъ къ намъ и, не снимая верхняго платья, воскликнулъ: «графа Уварова не стало», и при этомъ въ собственномъ смыслѣ громко зарыдалъ. Мы его утѣшали, насколько могли. На публичномъ засѣданіи, посвященномъ памяти гр. А. С. Уварова, онъ въ своей рѣчи дрожащимъ голосомъ и также сквозь слезы сказалъ: «съ кончиною графа для меня лично все кончилось». И это его слово было—пророческое слово.

Когда онъ былъ удаленъ со службы въ Синодальной типографіи, у него осталось еще одно нравственное утѣшеніе, что его ученый

міръ цѣнить—и въ особенности Московское Археологическое Общество, которому онъ посвятилъ столько силъ и жизни.

Но вотъ вдругъ онъ найденъ даже негоднымъ для того, чтобы сидѣть Товарищемъ Предсѣдателя.

Когда ему о томъ сказали, онъ какъ будто оцѣпенѣлъ и не могъ сказать ни одного слова.

Съ этого именно момента быстрыми шагами пошло его умственное и физическое умираніе.
